

I секция
Метафизические интенции отечественной философии

УДК 11

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ
КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА**

*А. П. Цветков
Симферополь, Украина*

Заявленная тема предполагает соответствующий уровень анализа, а именно – метатеоретический. В таком случае, можно было бы ограничиться, например, постулатом, согласно которому история отечественной философии есть история умопостижения феномена России, осуществляемого посредством некоторого многообразия рефлексий. Однако поскольку через умопостижение России осуществлялось также постижение бытия и его универсалий, постольку целесообразно подвергнуть анализу основные концепты отечественного философствования, представив их в антиномической форме. Последнее оправдано тем существенным обстоятельством, что отечественная философия классического периода строилась, осознавала себя и существовала на контроверзе по отношению к западной, главным образом, немецкой, философской традиции. В контексте отечественной традиции все нижеприведенные антиномии имеют, что существенно, предпосылки к своему разрешению.

1. Антиномия статуса философии. *Тезисом* антиномии является утверждение о существовании отечественной философии как подлинной и самобытной, *анти тезисом* – отсутствие такого существования. В более широком смысле – это есть вопрос о сущности философского знания.

Со времени «Критики отвлеченных начал» В. Соловьева всякий философ, вовлеченный в отечественный историко-философский процесс (примечательно, что только за последнее десятилетие по творчеству В. Соловьева защищено более 20 диссертаций), как правило, противопоставляет креативный *Logos* оригинального отечественного философствования – мезонизму и *ratio* западной философии.

Анти тезис, развиваемый философами, не включенными в процесс обоснования тезиса антиномии, выражается в том, что сам этот процесс объявляется мифотворчеством, а история отечественной философии, соответственно, – мифологией. В лучшем случае, следуя их логике, можно говорить не о собственно философии, а лишь о пролегоменах к ней. Медиатором в разрешении антиномии выступает традиционная черта русского мышления – *интуитивизм* как непосредственное усмотрение истины. Интуитивизм не отрицает рационального, но указывает на его ограниченность; будучи близок к иррациональному, он также выделяет его слабые стороны. Но само противопоставление рационального иррациональному уже предполагает рациональный подход, как понятийный и систематический. Яркий пример этого – философская система В. Соловьева.

Впоследствии С. Булгаков в ряде своих произведений, прежде всего, в «Философии трагедии», убедительно обосновал неустранимую генетическую связь философии и религии с *мифом*. Именно в мифе, по его мнению, находится источник и питательная среда как религии, так и философии. Значит, категорический отказ от источника неизбежно приведет к трагедии философии в ее секуляризованном виде. Ведь философия нуждается в своем обосновании, и это обоснование, по Булгакову, дает ей только область иррационального.

2. **Антиномия всеединства** *Тезисом* антиномии является признание православного онтологизма (Г.Сковорода, В.Соловьев, В.Эрн, С.Булгаков и др.) как единственно плодотворного для русского православного сознания, в рамках которого должны соединяться и истина, и справедливость, и правда. Онтология всеединства есть некая тотальность, которая охватывает весь Универсум, начиная от Творца с множеством его теургий и теофаний и заканчивая человеком в его гармоничном сосуществовании с Вселенной. Даже сама идея Бога включает в себя элементы или свойства *телесности*, прежде всего, через софийность бытия. Человек, в данном случае, есть часть универсума и общества.

В качестве *антитезиса* выступает ярко выраженный и четко артикулируемый примат духовности: все надежды человека, сам смысл его жизни находятся не в эмпирической плоскости, а в сфере духовного бытия, когда человек предстает перед глубинными первореальностями, что и превращает его неподлинное бытие в подлинное. Это придает человеческому существованию надонтологическое и надындивидуальное измерение и служит, по словам С.Франка, условием созидания культуры. Индивидуальность человека, таким образом, оказывается за пределами универсума и социальности.

В контексте классического русского философского идеализма преодоление данной антиномии мыслится через посредство феномена соборности (духовного единства индивидуальностей, обладающих свободной волей), «религиозного материализма», «святой телесности» (В.Соловьев). Специфической чертой тварности, то есть, сотворенного, есть «ничто как бытие-небытие» (С.Булгаков). Мир приобретает свою онтологическую сущность лишь через Абсолютное и в Абсолютном. Сам по себе он есть ничто, но через причастность к источнику творения оказывается «становящимся Богом» (С.Булгаков) или, ипаче, «становящимся абсолютным» (В.Соловьев).

В рамках позитивистски ориентированного «русского космизма» преодоление антиномии видится на путях ноосферной планетарной (или даже космической) социализации.

Следует, к сожалению, признать, что именно такого рода онтологизм отечественной философии сделал возможным столь мощную материалистическую прививку нашей культуре XX века.

3. **Антиномия свободы.** *Тезис* антиномии – свобода как индивидуализированное и самобытное волеизъявление является безусловным благом. В таковом качестве она противостоит необходимости. Свобода в этом смысле – есть не только добро, но и условие для выбора добра. Григорий Сковорода, А.Хомяков и некоторые из ранних славянофилов не только теоретически, но и в практической жизни отстаивали этот тезис.

Антитезис – свобода есть свобода, а не добро. отождествление свободы с самим добром и совершенством логически означает также отрицание добра, то есть, в конечном итоге, ведет к признанию возможности насилия. В таком случае, согласно И.Бердяеву, мы получаем вынужденное добро, которое уже не есть добро; оно превращается во зло, поскольку свободное добро как единственное добро предполагает свободу зла. Значит, свобода не дает никаких прав, и в этом он резонно усматривает «трагедию свободы». Свобода, по Бердяеву, есть *моя* независимость и определенность *моей* личности изнутри, то есть, *моя* творческая сила, но отнюдь не выбор между поставленным передо мной добром и злом; она есть *мое* созидание добра и зла.

Разрешение антиномии – в признании примата духовной (внутренней) свободы не только по отношению к свободе внешней, но и по отношению к при-

родной и социальной необходимости. Она – в самоопределении человека изнутри. Значит, теоретически и, в особенности, практически следует противопоставить духовную свободу – бездуховности, которая всегда злоупотребляет свободой (И. Ильин), потому что ограничивается лишь внешней свободой, отказываясь от постижения внутреннего смысла подлинной свободы.

4. **Антиномия смысла.** Прежде всего, необходимо подчеркнуть специфическую «заиклешность» отечественной философии на поисках смысла. Об этом свидетельствуют названия многочисленных текстов – «Смысл любви» В. Соловьева, «Смысл жизни» Е. Трубецкого, Л. Франка, «Смысл идеализма» П. Флоренского, «Смысл истории», «Смысл свободы» Н. Бердяева и т.д.

Антиномию смысла можно рассматривать, как минимум, в двух аспектах: а) социально-историческом (шире – всемирно-историческом) и б) собственно семантическом (шире – семиотическом).

а) В социально-историческом аспекте тезисом данной антиномии является постулат о том, что смысл истории заключается в **неприятии** мира эмпирического как мира не в Боге, а потому и несовершенного. Прогрессистская же теория непрерывного развития – ничто иное как дурная бесконечность. Без перспективы конца история не имеет смысла (Н. Бердяев), подобно тому как трагедия без разрешающего конца не является трагедией. В данном случае имелась в виду *трагедия человекобожия*. Именно этот тезис вызвал к жизни многочисленные рефлексии о трагической судьбе России, об общественном идеале, смысле жизни, эсхатологии и хилиазме, – рефлексии, столь характерные для отечественной философии. Примечательно, что своеобразной версией этого тезиса антиномии стала утопическая концепция коммуно-большевистского хилиазма. К этой концепции, как ни странно, очень близок антропный принцип понимания истории, предложенной Н. Федоровым – как истории, творимой самим человеком.

Антитезисом является постулат о том, что смысл истории состоит в **приятии** мира, поскольку он создан Богом, который, безусловно, придал всему сотворенному определенный смысл и определенную цель. Поэтому история, хотя и с перспективой конца, не рассматривается как трагедия. О ней можно говорить лишь в смысле высокой трагедии – перехода от человекобожия к *Богочеловечеству*.

Разрешение антиномии – в особом понимании исторического процесса, который, начиная от Григория Сковороды и В. Соловьева (а, по сути, еще с великокняжеских времен Киевской Руси) и заканчивая Л. Карсавиным и И. Ильиным, интерпретировался как преодоление несовершенств мира посредством постепенного усвоения человеком Божественного содержания. А значит, – единения мира и идеального замысла о нем в форме некоего тождества. Несмотря на то, что эмпирическая действительность в принципе не может достигнуть совершенной полноты, – всякий ее момент, безусловно, имеет всемирно-исторический смысл. Абсолют, как высшая норма, побуждает человека как несовершенного субъекта истории к деятельности восхождения.

Таким образом, степень духовной напряженности человека, направленная в сторону абсолютной, вневременной, так сказать, «вертикальной» координаты определяет содержание временного, исторического, линейного, «горизонтального» развития. Итогом и смыслом истории является не человекобожие, а Богочеловечество. Или, говоря иначе, – соборность преображенного человечества.

Медиатором в разрешении этой антиномии, по мнению, например, И. Ильина, должно стать православие как диалектическое единство *мироотвержения*

(поскольку, находясь не в Боге, мир является источником и орудием безбожия) и *мироприятия* (поскольку мир, созданный Богом, получил от него смысл и предназначение).

б) В семиотическом аспекте антиномия возникает, когда речь идет о характере соотношения слова (символа, знака, имени) и смысла, то есть, символа и соответствующей ему реальности. В более широком смысле – о философии слова-имени или, вообще, о философии языка. Конкретно говоря, вопрос состоит в том, слово ли рождается из бытия (*тезис*) или бытие рождается словом (*антитезис*)? Является ли слово продуктом чистой субъективности, лишенным собственного смысла, то есть, произвольным и случайным по отношению к сущности его носителя (*тезис*)?

Тезис антиномии нашел теоретическое обоснование в работах Г.Шпета и всех отечественных позитивистов. Вполне естественно, что в советском марксизме он осознавался в качестве аксиомы – слово есть распределенное бытие. Обоснованием *антитезиса* всерьез занимались П.Флоренский и С.Булгаков. Первый, например, показал, что слово, являясь символом, конституирует новую или особую реальность – «бытие, которое больше самого себя» [1, с. 287]. Мысль не есть распределенная реальность, напротив, социум и природа – есть определенная мысль: слово, облеченное в материю и реализующееся в ней.

Интересно, что все это П.Флоренский относил и к именам собственным. В имени, по мнению П.Флоренского, «выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее духовное и душевное строение» [2, с. 70].

Антиномия преодолевается путем дедуцирования и обоснования двуединой природы имени – «*неслиянного и нераздельного*» единства слова и смысла. *Неслиянного* потому, что имя не есть только чистый смысл, но существует в материи устного и письменного слова и в предметной реальности. *Нераздельное* потому, что вне смысла слово невозможно, ничто вне смысла не может реализоваться в мире материальном, прежде всего, в слове, в символе. Символ же – это нечто, являющее собою то, что не есть он сам, большее его, и, однако, существенно через него проявляющееся. Он есть мост между Я и не-Я.

С.Булгаков, испытавший сильное влияние семиотических идей П.Флоренского, постулировал *принцип соответствия между структурой суждения и онтологической структурой бытия*. (К сожалению, в отечественной науке идеи С.Булгакова по философии языка до сих пор не востребованы. Между тем в Парижской Школе высших гуманитарных исследований в 1996–1997 гг. был проведен двухгодичный семинар «Философия имени С.Булгакова»). Принимая в качестве исходной структуры суждения **трехчленную формулу «Я есмь Нечто (потенциально все)»**, он в результате анализа приходит к выводу о том, что в каждом акте познания «от элементарного до сложнейшего содержится тройственный акт: глухого голоса бытия, звучания слова и соединения в акте познания этого толчка и этого слова – в именовании» [3, с. 119].

В этом отношении трагедию самой философии С.Булгаков усматривал в том, что все известные философские учения Нового и новейшего времени, отрицающая инвариантность тройственной природы предложения, исходят либо а) **из подлежащего**, то есть «Я» как логической функции – гносеологического субъекта, совершающего путем трансцендентального синтеза апперцепции конструирование своих объектов (Декарт, Кант); либо б) **из сказуемого**, на основе которого дедуцируется безсубстанциальный панлогизм, точнее, субстанцией становится самопорождающая мысль (Платон, Гегель); либо в) **из связки**, когда рождается философия субстанциального монизма (Спиноза, Шеллинг) [4, с. 317 – 329].

* * *

Следуя принятой нами логике, можно выделить еще ряд весьма характерных антиномий. Прежде всего, это сформировавшаяся под влиянием «недовольного» П. Чаадаева **антиномия русскости**: с одной стороны, мощь и величие русской идеи как и величие самого народа-богоносца, его «всеслужение человечеству» (Ф. Достоевский) – *тезис*. С другой стороны, слабость, якобы заложенная в потенциальном характере русской культуры и в тех качествах самого народа, которые губят его талант, таких как пренебрежение эмпирическими преобразованиями, пассивность религиозности, лень, тяготение к абсолютному идеалу, следование крайностям (Л. Карсавин) и пр. – *антитезис*. Разрешение антиномии – через осознание себя в историческом процессе, через тезис земли и человека, средством которого выступает православная церковь.

Далее следует назвать **антиномию европейскости**, в которой суждение о том, что Россия и Европа есть чуждые друг другу миры (Н. Данилевский, «почвенники» и др.) является *тезисом*, а, напротив, суждение о том, что Россия есть европейское государство (некоторые из ранних славянофилов, демократическая интеллигенция и т.д., включая и сегодняшних отечественных мыслителей и публицистов) – *антитезисом*. Разрешение антиномии виделось либо в идее В. Соловьева о том, что Россия, являясь Европой лишь отчасти, выполняет миссию примирения Запада, как мира «безбожного человека» и Востока, как мира «бесчеловечного бога» (В. Соловьев); либо в контексте геополитических сентенций евразийства. *Большевистский марксизм «снял» эту проблему через искушения интернационализма.*

* * *

Подводя итог всему вышесказанному, подчеркнем, **во-первых, содержательную** антиномичность основных концептов отечественной философии, иногда, непроявленную, но всегда присутствующую не только в текстах, но и в самосознании их авторов. Эта антиномичность свойственна всем сферам отечественной философии и философской публицистики, о чем бы ни шла речь. **Во-вторых, потенциальную** синтетичность (в диалектическом смысле) и синергичность антиномий, что являлось и сегодня является условием живого категориального синтеза и глубокомысленных обобщений. И, **наконец**, укажем на возрастающую актуальность и продуктивность отмеченного антиномизма в условиях всепроникающего влияния методологического *принципа дополнительности*, когда открываются новые возможности более строгой и корректной интерпретации отечественного философского наследия.

Список литературы

1. Флоренский П.А. Соч. в 2-х т. – Т.1(1). – М.: 1990.
2. Флоренский П.А. Имена. – М.: 1993.
3. Булгаков С. Философия имени. – Париж: 1953.
4. Булгаков С. Трагедия философии. Соч. в 2 т. – Т. 1. – М.: 1993.